

Публикации

Варфоломей (Городцев),
Митрополит Новосибирский и Барнаульский

Пастырь-проповедник по св. Иоанну Златоусту¹

Согласно с учением слова Божия о пастырском делании как всецелой отданности заботам о спасении других — пасомых (Евр. 12, 17; 1 Тим. 4, 16; Ефес. 4, 10—13; 1 Кор. 9, 19—23; 2 Кор. 4, 8—12; 1 Петр. 5, 1—4; Ин. 15, 16; 10, 10—11 и др.), св. Златоуст смотрит на пастырское звание как на непосредственное продолжение на земле дела Христа Спасителя, как на полное самоотверженное служение во спасение других. Постоянное попечение о спасении пасомых — в этом и высота звания пастыря Церкви, в этом его и преимущество пред другими званиями. «Во всем у нас (пастырей), — говорит св. Златоуст, — с вами (пасомыми) равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же. Все имеем одно и то же крещение, все сподобились одного и того же Духа, в одно и то же мы с вами стремимся Царство. Все мы равно братья Христовы, всё у нас общее. В чем же состоит мое преимущество пред вами? В заботах, трудах, беспокойствах, скорби об вас» (4-я беседа на Второе послание к Фессалоникийцам).

Эти заботы о спасении ближних должны доходить у пастыря Церкви до полного забвения личных интересов, личных забот, личных нужд. «Достоинство (пастырей)-учителей состоит... в том, чтобы вести (учеников) ко спасению и все свои действия направлять к этой цели. Если бы какой учитель заботился только о своей чести и славе,

¹ В изложении мыслей святого отца о проповеднической деятельности пастыря Церкви автор старался сохранить совершенно объективный тон, предоставляя каждому так или иначе интересующемуся делом церковного проповедничества судить, насколько наличность современного проповедничества (и воззрений на проповедничество) отвечает взглядам святого златословесного витии. *Прим. авт.*

Текст приводится по изданию: Пастырь-проповедник по св. Иоанну Златоусту священника Сергия Городцева. — Тифлис, 1903. — 35 с. *Прим. ред.*

он был бы не учителем, а тираном. И Господь Бог возвышает учителей не для того, чтобы им наслаждаться большим почетом, но для того, чтобы они, забывая о себе, помышляли только о том, что относится к их ученикам» (8-я беседа на Послание к Ефессянам). Совершенно холодный к личным преимуществам, пастырь должен быть без конца внимательным ко всем нуждам своих пасомых, горячим, стремительным ко всем способам, каковыми можно устроить спасение своих духовных чад. «Учитель, — говорит св. отец, — ничего не должен считать для себя обременительным, что относится ко спасению учеников» (3-я беседа на Первое послание к Фессалоникийцам).

Но чем совершается спасение христиан? Порожденные *словом истины* (Иак. 1, 18), христиане чрез слово Божие и исполнение заповедей слова Божия (Иак. 1, 21–22) созидают свое спасение. Слово Божие дано всем; христианин при помощи благодати Божественной должен и может узнать (1 Ин. 2, 27) его требования. Но все ли узнают? Все ли знают такое благотворное действие слова Божия?

Жизнь говорит противное. Пастырь Церкви по жизни своих пасомых видит, что они не знают слова Божия, не знают вечных его требований. Самая насущная нужда пасомых остается неудовлетворенной. И пастырь должен идти навстречу этой духовной нужде своих пасомых. Он своим **словом** должен заменить и показать для них незнакомое им благотворное влияние знания слова Божия. «Не были бы нужны слова, — говорит св. Златоуст, — если бы жизнь наша сияла... не были бы нужны учителя, если бы дела благие мы творили» (10-я беседа на Первое послание к Титу).

«Откуда рождается нужда в проповеднике? — спрашивает св. Златоуст. — Нужда эта рождается вследствие нашего нерадения. Какая надобность в проповеднике? Всё ясно и просто, что говорится в Божественных Писаниях. Всё необходимо понятно». Но так как пасомые небрегут сами о должном понимании словес Божественных, то пастырю предстоит вся необходимость давать в слове слушателям то, что они сами по своей небрежности не могут получить; **пастырю предстоит вся необходимость сделаться проповедником**, изъяснителем для пасомых слова Божия: «Мы, — говорит св. Златоуст далее, — только служители, мы говорим не свои слова, но слова Божии» (3-я беседа на Второе послание к Фессалоникийцам).

А поскольку эта нужда пасомых слушать слово пастыря не есть нужда временная, случайная, но постоянная и вечная (ибо всегда в нравственной жизнедеятельности пасомых истинный пастырь усмат-

ривает уклонение от положительных требований Божественных (Рим. 7, 18–24; Еф. 5, 15–15; 1 Пет. 5, 8 и др.), постольку **пастырю необходимо быть всегда пастырем-проповедником**. Объясняя притчу Господа нашего о десяти талантах (Мф. 25, 14–30), св. Иоанн Златоуст между прочим говорит следующее: «Кто получил дар слова и учения для пользы других и не пользуется им, тот погубляет самый дар. Напротив, тот усугубляет его, кто радит о нем; между тем как тот теряет и то, что получил» (78-я беседа на Евангелие от Матфея). Если в отношении ко всем христианам эти слова св. Златоуста и можно понимать так, что тот, кто не обладает даром слова и учения, не получает, следовательно, и осуждения, если не учит словом ближних своих, — то в отношении к священнику эти слова не могут иметь двойного толкования. Пастырь по своему званию есть *«служитель слова»* (Деян. 6, 4), поэтому дар слова он непременно должен вырабатывать в себе. «Так как сила слова, — говорит св. отец, — не дается природой, но дается образованием... то **священник должен употреблять все меры к тому, чтобы приобрести силу слова»** (Слова о священстве).

То не отговорка, не извинение, если священник, при видимых усилиях о развитии в себе дара слова, не будет отличаться особым красноречием, все равно он должен служить словом, не смущаясь бедностью своего языка, так как «слушатели ценят, — говорит св. Златоуст, — проповеди не столько по их достоинству, сколько по мнению своему о силе проповедующих. Неискусные в слове и за малые опыты заслуживают великие похвалы». А для обладающих даром слова прямая обязанность развивать этот дар до больших и больших размеров. Ибо «искуснейшие (в слове), — продолжает Златоуст, — если красноречие их не всегда будет удивлять и поражать, не только не удостаиваются похвал, но и собирают против себя весьма много порицателей» (Слова о священстве).

Таким образом, по своему званию как отданный всецело на служение своей пастве и как по благодати «служитель слова», пастырь पहले всего есть проповедник. Проповедь — это нравственный долг пастыря (1 Кор. 9, 16–17): «Пастырь Церкви есть прежде всего учитель народа» (Слова о священстве). «Пастырь-проповедник, слушает ли его кто или нет, должен бросать семена и отдавать (в рост) серебро, чтобы Бог потребовал отчета уже не от него, а от меновщиков» (5-я беседа об Анне). «Ключи текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал ее, и реки бегут, хотя бы

никто не пил из них; так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнить всё, что от него зависит» (1-я беседа о Лазаре).

Глубоко убежденный в долге пастыря быть проповедником, св. Златоуст и произносит глубоко восторженные похвалы силе слова пастыря Церкви (Евр. 4, 12). Говоря в «Словах о священстве» о том, что пастырь Церкви должен показывать своим пасомым пример истинно христианской, святой жизни, Златоуст говорит далее: «...но после дел остается (у пастыря) одно средство, один способ лечения (душ пасомых) — учение словом. Вот орудия, вот пища, вот благорастворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня и железа. Настоят ли надобность прижигать или отсекаль — необходимо должно прибегать к слову. Если оно нисколько не подействует, всё прочее остается недействительным. Им мы восставляем падшую, укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишки, восполняем недостатки и совершаем всё другое, что служит к здравью души нашей». Слово пастыря, как излагающее мысли слова Божия, само, без всяких внешних мер, является словом судящим (Ин. 12, 48). «Мы не выводим, — говорит златословесный проповедник, — грешников на средину, чтобы таким образом объявить их грехи, но, предлагая общее для всех учение, предоставляем совести слушателей, чтобы каждый извлекал из сказанного соответствующее собственной его ране. Слово учения проистекает из уст говорящего, заключая в себе осуждение порока, похвалу добродетели, укоризну разврату, хвалу целомудрию, осуждение гордости, похвалу кротости, как бы различное и разнообразное, составленное из всех видов лекарства; но взять пригодное и полезное для себя — это дело каждого из слушателей. Слово проистекает открыто, но, внедряясь в совесть каждого, оно незаметным образом производит врачевание, и часто еще прежде, нежели открылась болезнь, оно возвращает здоровье» (Беседа о том, что не должно разглашать чужих грехов).

Слово — это богатство ни с чем не сравнимое (1 Тим. 4, 16): «...Блага мирские, — говорит Златоуст, — имеют много завистников, а духовные чем большему числу людей достаются, тем обильнее оказываются. В этом можно убедиться и из настоящего слова. Если это слово, которое передаю всем, удержу я у себя, то буду беднее, а когда сообщаю всем, то, как бы бросая семена в чистую землю, умножаю тем свое достояние, увеличиваю богатство, вас всех делаю богаче, да и сам от этого не делаюсь беднее» (Беседа о наслаждении будущими благами и ничтожестве настоящих).

Область действия пастырей — область совести, в каковой не внешние меры приносят истинный плод, но нравственное воздействие словом (Иез. 3, 17–22). «Мы поставлены поучать вас словом, — говорит св. Златоуст, — а не для начальства и самовластного распоряжения над вами. Наше дело — советовать вам и увещевать вас. Советник говорит, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу принять или не принять совет. Он будет виноват только, если не скажет того, что ему поручено. Потому мы и говорим всё это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто нам этого не говорил, никто не объяснял, мы этого не знаем и вовсе не считаем грехом» (11-я беседа на Первое послание к Коринфянам). И даже более, пастырско-проповедническая деятельность не только чужда внешних мер, как само христианство, но и должна давать христианам утешение в оскорблениях от внешних начальников (1 Пет. 4, 14–16; 1 Сол. 5, 14): «Если мы вас не утешим, — говорит св. Златоуст, — от кого другого получите утешение? Судии устрашают? Так пусть утешают священники. Начальники угрожают? Так пусть ободряет Церковь» (5-я беседа к антиохийскому народу по случаю ниспровержения царских статуй).

Но как бы ни была велика сила слова, как бы ни было слово пастыря пригодно и действительно во всех нуждах и положениях пасомых, однако пастырю-проповеднику всегда необходимо помнить, что дело созидания спасения пасомых с трудом совершается и достигается только настойчивым словом, неустанным, безостановочным (2 Тим. 4, 1–2). «Когда кто захочет, — говорит св. Златоуст, — исторгнуть с корнем страсть, укоренившуюся и долго живущую в душе, тогда для этого исправления недостаточно однодневного или двухдневного увещания, но надобно часто и в продолжение многих дней беседовать об этом предмете, если только хотим проповедовать не из честолюбия и для удовольствия, а для блага и пользы... Самый лучший способ наставления — не переставать внушать что бы то ни было дотоле, пока не увидим, что внушение перешло в дело. Кто говорит сегодня о милостыне, завтра о молитве, послезавтра о кротости, потом еще о смиренномудрии, тот не доведет своих слушателей ни до одной из этих добродетелей, потому что он постоянно перебегает от одного предмета к другому и от этого опять к иному. Напротив, кто хочет, чтобы слушатели на деле исполняли слова его, тот дотоле не должен прекращать свое увещание и советы об одном и том же предмете и переходить к

другому какому-нибудь, пока не увидит, что прежнее увещание хорошо укоренилось» (1-я беседа о Давиде).

Сам св. Златоуст в своих беседах показывает великий пример исполнения сейчас сказанного. Стоит лишь прочитать несколько частей «Творений» св. отца, как тотчас же можно увидеть, с какой настойчивостью св. Златоуст увещает своих слушателей к милостыне — царице добродетелей — и к искоренению в себе сребролюбия — корня всех зол; или его «Беседы к антиохийскому народу по случаю ниспровержения царских статуй»: с каким долготерпением и пастырской настойчивостью он убеждает антиохийцев оставить пагубную привычку клясться, и в одной из этих бесед, увещевая слушателей, к тому же св. отец говорит так: «...знаю, что кажусь уже тяжким и обременительным и досаждаю непрерывным повторением этого увещания, однако не отстаю, чтобы вы, устыдившись хоть моего нестыдения, отстали от дурной привычки клясться» (9-я беседа).

Эта пастырская настойчивость слова должна не ослабевать в своих силах даже и тогда, когда по-видимому она остается совершенно безрезультатной для слушателей, как и Сам Христос не переставал учить и творить чудеса пред ослепленными книжниками и всем народом иудейским (Ин. 12, 37–41). «Потому, что ты не можешь, — говорит св. Златоуст, — спасти всю вселенную, не пренебрегай немногим и по желанию великого не лишайся малого. Если ты не можешь обратиться ста человек, постарайся обратиться десять; если не можешь обратиться десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не презри одного; если не можешь и одного, и тогда не унывай и не оставляй делать то, что можешь» (3-я беседа на Первое послание к Коринфянам). Или в другом месте, опровергая возражения тех, которые, исходя из факта малоплодности проповеди, отрицали самое дело проповеди, св. Златоуст говорит: «Что говоришь ты, человек? Разве мы обещали уловить всех в один день? Если только убедились десять, если только пять, если даже один, — не достаточно ли сего для нашего утешения? Скажу и еще более. Пусть никто не убедился нашими словами, хотя невозможно, чтобы бесплодно было слово, подаваемое в столь многие слухи (ср.: Ин. 12, 37–41, 42), но пусть будет это так, однако и в сем случае слово не бесплодно нам. Ибо если слушатели и вошли в корчемницу (об уничтожении этой привычки говорил Златоуст пред этой беседой), то вошли уже не с таким бесстыдством, да и за столами часто вспоминали о наших словах, укоризне, обвинении и, вспомнив, устыдились, покраснели мысленно — они сделали обычное не с такой наглостью. А почувствовать вполне стыд, сознать вполне свои дела —

это начало спасения и прекрасной перемены... Слово не отвело некоторых от порока? Но зато живущих добродетельно сделало внимательнейшими. Не убедил я сегодня? Но завтра, может быть, успею убедить, может быть, послезавтра или еще в следующий день. И рыбак закидывает уду иногда целый день понапрасну, но к вечеру уловляет рыбу, уходившую от него целый день» (1-я беседа о Лазаре).

Но пастырь-проповедник также не должен соблазняться и видимыми успехами своей проповеди, не должен он и тогда оставлять слов назидания, ибо обязанность его — всех привести ко спасению (1 Кор. 9, 22–23). «Сколько было перемен, — говорит Златоуст, — с того времени, как я сделался предстоятелем в этом городе. И никто не исправился. Говоря „никто“, я не всех осуждаю, да не будет, ибо не может быть, чтобы эта тучная нива, приняв семена, не произвела плода. Но я ненасытим. Я хочу, чтобы спаслись не немногие, но все. Если даже один остается погибающим, то я погибаю и думаю подражать тому пастырю, который имел девяносто девять овец и пошел за одной заблудившейся» (Беседа по случаю бегства консула Евтропия).

И при неуспешности, и при больших успехах проповеди пастырь Церкви равно должен оставаться неутомимым проповедником. Силы для этого он всегда найдет, если только утвердится мыслью, что и успех, и неуспех проповеди не в его личном распоряжении, — это дело Божией благодати: она находит сердца, способные к восприятию учения пастыря, она же и ожесточает сердца пасомых до полного пренебрежения словами учителя (1 Кор. 3, 5–9; Рим. 9). Пастырь-проповедник всегда должен мнить себя сосудом и служителем благодати Божественной, благодатью он и крепок, — благодать и созидает дело проповедника (2 Кор. 12, 9). «Пусть никто не говорит обо мне, что я несовершен, — говорит св. Златоуст, — ничего не значу, ничего не стою, и всякий пусть слушает меня со вниманием. Я ведь принадлежу к числу тех, через которых действует благодать Божия. Бог обыкновенно, даже постоянно, присутствует в таких людях для пользы многих. Не думайте, что это я от себя говорю; Божия благодать действует и чрез недостойного не для нас, а для вас. Послушайте, что говорит Христос: *„аще убо будет дом достоин, приидет мир ваш нань“* (Мф. 10, 13). Как же он делается достойным? Если примут вас, говорит Он. Если же не примут вас и не послушают слова вашего, *„аминь глаголю вам: отраднее будет земли Содомстей и Гоморстей... неже граду тому...“* (Мф. 10, 15) Послушайте также слов Христовых: *„вся, елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите“* (Мф. 23, 3). Ты не меня презираешь, а священство... Доколе мы вос-

седаем на сем престоле, доколе мы имеем председательство, дотоле имеем достоинство и силу, хотя сами недостойны. Если седалище Моисея было столь почтенно, что из-за него слушали восседавших на нем (Мф. 23, 2—3), то тем более должен быть почитаем Престол Христов. Его по наследству получили мы. Мы вещаем вам с того самого седалища, с которого и Христос учредил в нас служение примирения. Мы имеем значение посланников и пришли от Бога... Мы Божии посланники для людей; если это для вас тягостно, то ведь не мы тягостны, а наш сан. Пусть всякий не меня слушает, а сана моего» (3-я беседа на Послание к Колоссянам).

Но высокий и крепкий сознанием всегда присущей ему благодати Божественной, священник не должен забывать того, что и он — человек, облеченный плотью, что и ему присущи те или другие недостатки, поэтому сознание присутствия в нем благодати не должно возбуждать в нем высокомерия по отношению к пастве. Эта гордость и высокомерие должны в нем поэтому сдерживаться сознанием собственной человеческой немощи (2 Кор. 11, 30). «То было делом человеколюбия Божия, — говорит Златоуст, — что и получающий, и слушающий подлежат одним и тем же законам, имеют одинаковую природу и одинаково каждый бывает виновен, делая преступление. Для чего? Для того, чтобы поучающий делал обличения с умеренностью, чтобы он был снисходителен к согрешающим, чтобы, помня собственную немощь, не произносил невыносимого осуждения. Потому Бог не свел с неба ангелов и не приставил их учителями к роду человеческому, чтобы они по превосходству природы и по неведению человеческой немощи не были беспощадными к нам в своих обличениях, но поставил учителями и священниками людей смертных, людей, обложенных немощью, чтобы то самое, что и поучающий, и слушающие подлежат одинаковой ответственности, обуздывало язык поучающего, не позволяя ему простираť обличения сверх меры» (Беседа о том, что и для проповедующих, и слушающих опасно проповедовать с угодливостью).

И сознание собственной немощи пастыря-проповедника не только сдерживает его горделивость, могущую проявиться у него вследствие превосходства его над пасомыми по дару присущей ему благодати священства, но и должно возродить в душе его смиренное сознание необходимости для него молитв пасомых в деле преуспения его пастырского делания (Рим. 15, 30—32; Ефес. 6, 19; Флп. 1, 19; Евр. 13, 18 и др.).

Св. Златоуст начал свою проповедническую деятельность именно просьбой к слушателям молиться за него: «Всех вас, начальствующих и начальствуемых, — говорит он, — равно прошу, чтобы вы сколько навели на нас страха стечением на слушание, столько же вдохнули в нас бодрость усердием к молитвам и умолили *Дающего глагол благовествующему силою многою* (Пс. 68, 12) дать и нам слово *во отверзение уст* (Еф. 6, 19) наших. Для вас, столь многих и великих, конечно, не трудно укрепить расслабленную душу одного юноши; вы и обязаны исполнить эту просьбу нашу, потому что для вас же и мы отважились на такое дело, — для вас и вашей любви, которой нет ничего сильнее и властительнее» (1-я беседа по рукоположении во пресвитера). «Мы сильно веруем, — говорит также он в другой беседе, — что если бы все вы пожелали единодушно простереть руки к Богу с молитвой о нашем смирении, мы имели бы успех во всем... Ныне (когда благодать Божия преумножилась) между подчиненными находим много, или лучше большую часть таких, которые во многих отношениях превосходят того, кто ими управляет, — вы не должны лишать нас своего содействия. Поддержите наши руки, чтобы они не ослабели; отверзите нам уста, чтобы они не были заграждены; молитесь Бога, молитесь Его об этом... Молитесь каждый наедине и во время общественной молитвы... Я имею великую нужду в ваших молитвах. Пусть никто из вас, как я сказал, не лишает меня этого содействия и помощи. Если мы будем преуспевать, то и ваше положение сделается блистательнее. Если благоуспешно будет совершаться то, что касается нашего учительства, то вы сделаетесь участниками богатства неистощимого» (4-я беседа на Второе послание к Солуньянам).

Молитвой паствы устанавливается совершенно неразрывная связь между паствой и пастырем-проповедником, нравственная обязанность которого есть молитва за паству, связующая его с паствой воедино (Ин. 17, 20–26). Убедая своих пасомых молиться за него, св. Златоуст здесь же говорит следующее: «...какое вы даете предпочтение нашему смирению (предоставляя нам только право) ходатайствовать пред Богом за столько людей? Ибо, если я не имею дерзновения молиться за себя, то тем более за других... Но так как я объемяю вас отеческой любовью, так как любовь дерзает на все, то я не только в церкви, но и у себя дома прежде всего творю молитву о вашем душевном и телесном здравии. Ибо никакая другая молитва столько не приличествует священнику, как та, в которой он больше молится и ходатайствует пред Богом о благе народа, нежели о своем» (4-я беседа на Второе послание к Солуньянам). И сам св. Златоуст видит во взаим-

ных молитвах пастыря и паствы тесные узы любви, которых никакая сила разорвать не может (Еф. 3, 14—19; 6, 18—20). Прося молитв паствы за себя и указывая на свою молитву за паству, св. Златоуст говорит: «...соединимся поэтому друг с другом, свяжем себя взаимно узами любви, пусть ничто не разлучает нас» (та же беседа).

И само собою разумеется, что пастырь-проповедник сам во-первых должен показывать в своих отношениях к пасомым образец чистой бескорыстной любви (Ин. 10, 11; 1 Кор. 13, 1—8; 2 Кор. 6, 11—12; Фил. 1, 21—26; Рим. 9, 1—3 и др.). Общее положение Златоуста то, что «... любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подчиненному, ибо от подчиненных требуется послушание» (10-я беседа на Послание к Колоссянам). А пастырь, следовательно, как показывающий образец высоконравственной христианской жизни, любовью к своим пасомым должен отличаться преимущественно. Слова св. апостола Павла в Первом послании к Солунянам *«быхом тиси посреде вас, якоже доилица греет своя чада. Тако желающе вас, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя, занеже возлюблены бысте нам»* (1 Сол. 2, 7—8) св. Златоуст передает так: «мы не обнаружили ни грубости, ни притеснения, ни высокомерия, ни хвастовства... *Якоже доилица греет своя чада.* Таким должно быть учителю. Льстит ли кормилица дитяти, чтобы заслужить от него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли она высокомерна с ними и сурова? Напротив, не бывают ли они нежнее самих матерей? Здесь апостол обнаруживает в себе сильную любовь... Мы, говорит, преданы вам, до такой степени, что не только ничего не берем от вас, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вам и свои души» (2-я беседа на Первое послание к Солунянам).

Приведенными мыслями св. Златоуста определяется принципиальная сторона проповеднической деятельности пастыря Церкви. Неустанное, непрерывное слово назидания должно исходить из уст его, всецело отданного на служение своей пастве. Любовью начинается деятельность служителя слова, любовью споспешествуется во всё течение его пастырско-проповеднической деятельности и любовью же завершается.

Этой принципиальной стороной уже намечаются предметные указания для пастырской проповеди, каковые мы находим у св. отца во множестве и о каковых должна быть наша дальнейшая речь.

Как верный *служитель слова* Божия, пастырь-проповедник и в своих беседах с пасомыми должен внедрять в сознание слушателей слова вечной Божественной истины, чтобы эти слова, внедрившись в сердца пасомых, совершали дело спасения их душ (Иак. 1, 21), сам исходя в проповедании слов вечной истины из глубокого убеждения в непреодолимой силе истины и совершенной шаткости лжи (2 Кор. 13, 8). «Истина, — говорит св. Златоуст, — есть столп и утверждение Церкви» (11-я беседа на Первое послание к Тимофею). «...Сила истины не нуждается ни в какой помощи, но хотя бы тысячи людей старались заглушить ее, она не только не истребляется, но чрез самих притеснителей своих становится блистательнее и возвышеннее, посмеаясь над беснующимися и тщетно изнуряющими самих себя» (Беседа в день памяти священномученика Вавилы). И наоборот: «...заблуждения хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково всё то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим: оно на время успевает, а потом обнажается и погибает» (8-я беседа на Второе послание к Тимофею).

Источник познания вечной Божественной истины, которая содержится в каждой мысли, в каждом слове, в каждой йоте слова Божия, — есть вера. Ее пастырь должен воспитывать в себе и к тому же должен побуждать неустанно своих пасомых (Евр. 11, 6; 2 Кор. 5, 7; 1, 24). «Где нет веры, — говорит св. Златоуст, — там нет знания; когда что-либо рождается от собственных наших помыслов, то это не есть знание» (18-я беседа на Первое послание к Титу). «Не тот верующий, кто верит всему, но кто верует Богу, тот только есть и называется таким. Оставь исследования и прими веру. Вера просвещает всё, вера освещает всё, вера делает человека достойным Духа Святаго... Где вера — там и сила, а где неверие — там немощь. Вера — начало благ, вера — источник благ. Примем же это оружие спасения» (Беседа на 23-й стих 21-й главы Евангелия от Матфея).

«Мы для того и называемся верными, — поучает еще златословный проповедник, — чтобы мы несомненно верили тому, что нам сказано, чтобы мы ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием сего; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред Богом и верить. Если же не будем верить (словам Божиим), то не будем убеждены и в том, что существует Бог. Ибо как ты можешь знать, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его слова?» (1-я беседа на Первое послание к Титу). «Я почитаю то, что знаю, — говорит святой проповедник про себя, — я не научился

исследовать (существо Божие), я научился верить, братие, верить, а не исследовать» (Беседа на 23-й стих 21-й главы Евангелия от Матфея).

Пастырь должен, таким образом, в своих проповедях являться носителем чистого христианского мировоззрения, принимая сам на глубокую веру все йоты Божественного откровения и разъясняя их своей пастве для ее духовного возрождения (Кол. 3, 16). «Всё, — говорит св. Златоуст, — в Священном Писании имеет в виду одно исправление слушателей, так что и от повествования о прежде бывшем, и от нравов учения и увещания, и от пророчества мы направляемся к должному» (Обзор Священных книг Ветхого Завета).

И здесь сам св. Златоуст показывает необыкновенно яркий и наглядный образец того, что действительно каждая йота Божественного Откровения начертана для спасения человека, и смотрящий так именно на Откровение Божественное увидит по Златоусту всю справедливость этого взгляда. Представляя в своих беседах экзегезис всего почти Священного Писания, св. Златоуст во всех экзегетических своих беседах останавливается на каждой черте Священного Писания, в каждой находит нравственную идею, обновляющую ветхого человека (2 Тим. 3, 16—17). Читавший творения Златоуста это знает: в каждой странице его экзегетических бесед этот библейский взгляд невольно входит в сознание читателя; и не покажется тогда странным или, как думают некоторые, недостатком св. Златоуста то, что он находил возможным на слова апостола Павла *«Целуйте Прискиллу и Акилу»* и пр. (Рим. 16, 3) сказать целых две большие беседы (Беседы на разные места Священного Писания. Т. 2. С. 417—459), или на надписание Деяний апостольских — пять бесед (Там же. С. 226—356), или на слова пророка Исаии *«И бысть в лето, в неже умре Озия царь»* (Ис. 6, 1) — шесть бесед (Там же. Т. 1. С. 187—277) и др., а именно необыкновенно великим достоинством златословесного проповедника, который сам же и оправдывает подобный экзегетический проповеднический прием, говоря в 1-й беседе на слова *«Целуйте Прискиллу и Акилу»* и пр. следующее: «...многие из вас, я думаю, удивляются этому отделению прочитанного из апостольского послания, или лучше считают эту часть послания неважной и излишней, потому что она содержит в себе только приветствия, непрерывно следующие одни за другими. Посему и я, вознамерившись сегодня говорить о другом, оставил тот предмет и готов остановиться на этом, дабы вы убедились, что в Священных Писаниях нет ничего лишнего и ничего неважного, хотя бы была одна йота, хотя бы одна черта, но и одно приветствие

открывает нам великое море мыслей. Что я говорю: простое приветствие? Часто прибавление и одной буквы приносит целый ряд мыслей» и т.д.

И действительно, подобные беседы святого отца показывают не только золотые уста великого христианского проповедника, но и глубокую справедливость высказанного им о великой важности каждой черты Божественного Откровения. Как во слове Божиим все начертано для спасения человека, так и в своих проповедях пастырь-эксегет слова Божия все также должен направлять к этой единой истинной цели пастырского делания: экзегетикой слова Божия он должен разгонять тьму мирских воззрений, указывать ненормальности жизни общества и возводить слушателей до созерцания вечных истин (1 Пет. 1, 23–25). Всё в своих проповедях он должен направлять к нравственной чистоте слушателей, не смущаясь тем, что ему как эксегету слова Божия приходится говорить о таких явлениях, о которых вообще разговаривать считается в мире неприличным, говорить о таких предметах, о которых в мире предпочитается умалчивать (Тит. 1, 15). Забота о чистоте выражений в проповеди не должна у него быть в предпочтении пред заботой о нравственной чистоте слушателей. В «37-й беседе на Первое послание к Коринфянам» св. Златоуст со свойственной ему красноречивой наглядностью уподобляет нечистые, блудные возбуждения человека стремлениям дикого и разъяренного коня; и сказавши это, говорит далее: «пусть меня никто не осуждает, если всё это я сказал яснее надлежащего, я хочу не отличаться чистотою слов, но сделать чистыми слушателей».

Или в «5-й беседе на Первое послание к Солунянам» св. Златоуст говорит о должном воспитании детей и о том времени, когда и как они должны вступать в брак. И так как в сознании слушателей мог явиться вопрос о возможности проповеднику заниматься такими предметами в своем слове, то Златоуст, предвидя это, говорит: «...не правда ли, что я говорю точно сваха? Но я не стыжусь говорить о сем, ибо и Павел не стыдился, когда говорил: „*Не лишайте себе друг друга...*“ (1 Кор. 7, 5). Этого, по-видимому, более надлежало бы стыдиться, однако же он не стыдился, ибо не на слова обращал внимание, а на поступки, которые хотел исправить при помощи слов».

Или в той же беседе, удерживая слушателей от обращения с блудницами и описывая соблазны блудницы, св. Златоуст говорит далее: «...что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по

доброй воле делаю это, ибо я вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Много подобного мы видим и в Писании. Ибо и Иезекииль, укоряя Иерусалим, много говорит подобного и не стыдится. И справедливо. Ибо не по собственному желанию говорил он это, но из благопопечительности. Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но цель не неприлична и даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души». «Знаю, что за это (подобные же мысли) будут осуждать меня, называть неразумным и смешным, но я перенесу насмешки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза (для слушателей)» (12-я беседа на Первое послание к Коринфянам). Или, осуждая безумную роскошь современных ему богачей, доходившую до того, что женщины делали для себя из серебра ночные горшки, святой отец говорит: «...знаю, что многие за это смеются надо мной. Но я не перестану говорить, лишь бы только принести пользу» (7-я беседа на Послание к Колоссянам).

Цитируемые нами беседы св. Златоуста, а равно 20-я беседа на Послание к Ефесянам, 12-я на Послание к Колоссянам, на Первое послание к Коринфянам 7, 2 и 39—40 (три беседы) и другие могут в душе нецеломудренного читателя и слушателя произвести как бы некоторый соблазн. Но, во-первых, ведь для такого читателя и библейские рассказы о дочерях Лота, об Иосифе и жене Пентефрия, Иуде и Фамари, Давиде и Вирсавии, о Сусанне и другие, а также 3-я и 13-я главы пророка Иеремии и 16 и 23 главы пророка Иезекииля и другие места Священного Писания кажутся соблазнительными, а во-вторых, сам же Златоуст в этих же беседах поучает таковых, что эта нечистота от них же самих зависит, для чистых же всё чисто.

Пастырь-проповедник должен быть чистым, как поучает его своим примером св. Златоуст, оставаясь глубоко целомудренным в беседах о блуде и прелюбодеянии, о супружеском сожитии, о брачной поре и т.д., оставаясь чистым в своих беседах о нечистых женских серебряных сосудах и т.д. Пастырь-проповедник, по Златоусту, сознает своей нравственной обязанностью всажать слова Божественные в сердца своих пасомых и отсюда всё, что находится в слове Божием, принимая на глубокую веру, изъяснять своим слушателям как непререкаемое Откровение Самого Бога, как вечную безусловную истину. И если слово Божие возвещает ту или другую истину, то пастырю ли — служителю слова — входить в рассуждение о том, не произведет ли изъяснение ее соблазна в слушателях; но раз в состоянии общества он заметит уклонение от исполнения заповедей слова Божия, то смело, как чистый носитель христианского мировоззрения, должен разъяснять

пасомым неправильность их жизнедеятельности, хотя бы вопрос, о котором говорит пастырь, и считался во мнении общества неприличным, не стыдятся кажущейся нечистоты и соблазнительности: «Павел не стыдился, пророк не стыдился», — говорит св. Златоуст, так может ли стыдиться пастырь-проповедник — прямой изъяснитель для паствы святых слов Откровения Божественного?

Если содержание пастырских проповедей, по которому они должны представлять из себя экзегезис библейских понятий в картинах современной нравственной жизни, определяется прямо принципом пастырского делания вообще как служения словом, то принципиальной же стороной пастырского делания определяется и тон пастырского проповедничества — образец любви для своих пасомых. Тон же любви он и должен давать в своих проповедях.

Слово пастыря должно быть словом любви и кротости (Лк. 9, 54–56): «Кто имеет внешнюю (гражданскую) власть, — говорит св. Златоуст, — тот как управляющий силой закона и по необходимости справедливо не всегда соображается с желаниями подчиненных, но кто должен начальствовать над людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управление, тот, если будет поступать во всем только по своему произволу и никому не будет давать отчета, сделает свое правление насильственным, а не народным. „Подобает, — говорил апостол, — епископу без порока быти... не себе угождающе... не гневливу...“ (Тит. 1, 7). Как может учить других обуздывать эту страсть тот, кто не научил этому самого себя? Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов ко гневу. Посему если он не позаботился об укрощении этой страсти, то будет для подчиненных крайне тяжелым, повредит и погубит многое в делах своего управления» (2-я беседа на Послание к Титу). «Нам (учителям церковным), — говорит Златоуст в другой беседе, — нужно не только дерзновение, когда мы намереваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновение, потому что грешники никого из людей так не отвращаются и не ненавидят, как того, кто намеревается обличать их. Они стараются найти предлог, уклониться и избежать обличения, посему нужно их удерживать кротостью, снисходительностью. Обличитель несносен для грешников не только тогда, когда они слышат его голос, но и тогда, когда только видят его» (5-я беседа на Ис. 6, 1).

И не только слово кротости должно исходить из уст пастыря, но и слово долготерпения (2 Тим. 4, 2; 1 Сол. 5, 14). «Ибо,— говорит св. Златоуст,— нет врачевства более приличного учителю и столько полезного подчиненным, как долготерпение. Им священник вполне может обратить, вполне пристыдить и самого бесстыдного из подчиненных» (10-я беседа на Первое послание к Солунянам).

Но свою любовь, кротость и долготерпение к пасомым пастырь-проповедник не должен доводить до снисходительного отношения ко всем слабостям своих духовных чад, но в случае надобности он должен обличать пороки и согрешающих с полной властной строгостью (см. облич. речи Господа Мф. 23, Лк. 11, Ин. 8 и т.д.; 4, 5, 6 гл. Первого послания апостола Павла к коринфянам и т.п.).

В изъяснении слова Божия, по мыслям Златоуста, одному надо учить, другому — приказывать. Уподобляя дело проповеди устройению мирских дел, св. Златоуст говорит так: «При устройении человеческих дел иногда требуется наставление, а иногда — приказание. Если бы ты (учитель) поэтому стал приказывать там, где следует учить, то был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы то же самое. Например, что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особой силой... Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение» (13-я беседа на Первое послание к Тимофею).

И в исправлении жизни пасомых иногда нужно слово кротости, а иногда — слово обличения. «Как необдуманно осуждать,— говорит св. Златоуст,— бывает вредно, так и не наказывать явно согрешивших, значит, давать другим дорогу к тому, чтобы и они сие творили и на сие покушались. Обличай не кое-как, но со строгостью, потому что таким образом и другие будут бояться» (15-я беседа на Первое послание к Тимофею). Или в другой беседе по тому же вопросу св. Златоуст выражается так: «В тех вещах, которые лично его (священника) касаются, пусть он подвергается пренебрежению и пусть переносит сие, ибо таким образом долготерпение содействует успеху учения; а в том, что касается других,— нет, потому что это будет уже не кротость, а равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или за наветы, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полной властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть,

дабы сие не сделалось гибельным для общества» (13-я беседа на Первое послание к Тимофею).

В этих словах, таким образом, св. Златоустом разъясняется, что обличения пастыря — не показатели его жестокой нравственной личности (которая кротка), но вызываются прямо нравственным состоянием пасомых.

Но и в своих властных словах пастырь-проповедник никогда не должен забывать духа любви, не должен обличать со страстностью, но умерять обличения духом кротости (Гал. 6, 1). Образец подобного совмещения представляет нам сам св. Златоуст в своей проповеднической практике. Не касаясь многого находящегося в его беседах по интересующему нас вопросу, остановимся на двух его беседах на Послание к Колоссянам.

Обличая неустанно страсть сребролюбия в своих пасомых и не видя исправления, св. Златоуст с великой властностью пастыря говорит так: «Теперь предуведомляю, уже не увещаваю, но приказываю и объявляю, кто хочет, пусть слушает, кто не хочет, пусть не исполняет: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более, я не приму вас: не позволю переступить этот порог. Что мне до того, что больных (сребролюбием) много? Что же будет, если, уча вас, не возбраню прихотей? Павел запретил и золото, и жемчуг... Внушаю это мужам и женам. Пусть кто-нибудь поступает иначе, я не стану более терпеть. Двенадцать было учеников, а послушай, что говорит им Христос: *„еда и вы хотите ити?“* (Ин. 6, 67). Если мы все будем поблажать, когда мы исправим вас? Когда принесем пользу?.. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысяча беззаконников. Итак, я увещаваю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды (серебряные для нечистот) сокрушить и раздать бедным и не безумствовать так. Пусть кто хочет, идет от меня, кто хочет, осуждает, — я никому не буду поблажать. Когда меня будут судить пред Престолом Христовым, вы будете стоять в стороне: ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет... Он слаб (говорят), окажи ему снисхождение. Но до чего же? До какого времени? один раз, два, три раза, но не всегда же. Итак, я опять объявляю и свидетельствуюсь словами блаженного Павла, что *„аще прииду паки, не пощажду“* (2 Кор. 13, 2). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое приобретение, какая польза в этом. Да, советую вам, прошу вас, я не отказался бы обнять колена ваши и умолять об этом. Какая изнеженность, какая роскошь! какая наглость! Это не роскошь, это наглость! Какое безумие! Какое неистовство! Так много нищих стоит около церкви, а церковь, имея столько чад и столь бога-

тых чад, не может помочь ни одному бедному. Один алчет, а другой упивается, один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба. Что за неистовство, что за зверство такое? О, если бы нам не подвергнуться искушению и не сделать сего по досаде! Но пусть все сие исполнят они добровольно и с терпением, чтобы жить нам в славе Божией, избежать будущего наказания и сподобиться благ, обещанных любящим Бога» (7-я беседа. См. также 82-ю беседу на Евангелие от Матфея).

Из этого отрывка слова Златоуста можно видеть, с какой осторожностью употребляет Златоуст слово власти, вынужденный к этому своими пасомыми, с какой истинно пастырской горечью он употребляет данное ему слово власти, какая любовь сквозит чрез каждое суровое властное его слово.

А сказанная вслед за этой беседа Златоуста покажет нам, что испытала душа св. проповедника, допустившая такое строгое обличение; покажет, как св. Златоуст спешит любовью загладить суровое и властное, но любовное же предшествующее слово.

«Знаю, — говорит златоустый проповедник в начале своей следующей беседы (8-й), — что многие оскорбились предшествовавшей беседой. Но как я страдаю! Слышали ли вы, что повелел Господь? Виноват ли я? Что мне делать? Разве вы не видите, как заимодавцы ввергают в оковы неблагодарных должников? Вы слышали, что сегодня Павел возвестил? *„Умертвите убо уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение“* (Кол. 3, 5). Что хуже этого лихоимания? Оно несноснее того, о чем я говорил, — того бешенства, того сумасбродства в употреблении серебра. И *„лихоимание, еже есть идолослужение“*. Видите, где оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу иметь врагов по своей воле и безрассудно, но я желаю вам достигнуть такой степени добродетели, чтобы мне слышать о вас, что должно. Не по самовластию и не по власти я говорил, но по скорби и печали. Простите же мне, простите! Говоря о таких делах, я не желаю нарушать приличия, но нужда заставляет. Не ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения. Ибо погибнут не напитавшие Христа, погибнут. Важное ли дело, что ты не питаешь бедного? Но когда ты так нежишься, так роскошествуешь — всё это прихоти. Не того от тебя требуют, чтобы ты дал много, но чтобы дал по своему состоянию». Эти слова св. Златоуста показывают великий образец того, каким должен быть пастырь-проповедник в употреблении данного ему слова властного.

И в отношении к еретикам пастырь-проповедник, по Златоусту, должен руководиться теми же самыми принципами, которыми он руководствуется в своей пастырско-проповеднической деятельности вообще. То же служение словом, тот же дух любви и кротости должен быть в его проповедях, касающихся еретических и неправославных воззрений. «Христианам, — говорит св. Златоуст, — не позволено ниспровергать заблуждение принуждением и насилием, но заповедано убеждением, словом и кротостью совершать спасение человеческое» (2-я беседа в день памяти священномученика Вавилы). Пастырь здесь так же и даже еще более должен быть убежден «в силе истины и слабости лжи; тогда как последняя сама собой исчезает и без всякого насилия, первая чрез самые препятствия умножается и поднимается до неизреченной высоты» (Похвальное слово св. мученице Дросиде).

«Псалом (141-й) выводит ныне, — говорит св. Златоуст, — нас на ратоборство с еретиками не для того, чтобы сразить их стоящих, но чтобы восстановить лежащих, ибо такова наша война: не живых она делает мертвыми, но мертвых делает живыми, избилуя кротостью и великим смирением. Я прогоняю не делом, а преследую словом; не еретика, но ересь, не человека отвращаюсь, но заблуждения ненавижу и хочу истребить; я веду войну не с существом, ибо существо — дело Божие, но хочу исправить ум, который развращен диаволом» (Беседа в день памяти священномученика Фоки).

В отношении к еретикам, следовательно, по мыслям св. Златоуста, слово пастыря-проповедника должно оставаться таким же словом, возрождающим в жизнь новую, как и вся его проповедническая деятельность вообще. Св. отец видит в еретиках развратный ум, похотливую волю, жизнь вполне по ветхому человеку, которую пастырь должен исправить единым присущим ему орудием — словом (Тит. 1, 9—14). «Теперь все неверующие (суду), — говорит св. Златоуст, — таковы не от чего иного, как от развратной жизни и порочной совести, так что если мы очистим себя от грехов и вразумимся страхом прошедшего, то убедимся принять учение и о будущем. Как неправое учение обыкновенно ведет за собой дурную жизнь, так и развратная жизнь часто производит неправые учения» (Беседа на 1 Кор. 10, 1).

И как тьма язычества с мерзкой, нечистой жизнью была разгоняема буйством Креста Христова (1 Кор. 18, 23 и др.), так точно, верит Златоуст, и еретические мнения ничем иным не ниспровергаются, как буйством слова пастыря-проповедника. А «буйство (о Христе) проповеди, — по объяснению Златоуста, — есть то, когда мы укрощаем собственные помыслы, поднимающиеся безвременно, и упраздняем свой

ум от внешнего учения, чтобы тогда, когда нужно принимать Христово учение, он был ничем не занят и очищен для принятия Божественных вещаний» (2-я беседа против аномеев). Не внешняя мудрость поражает неверие, а духовная опытность в Божием слове, глубокой верой принимающая слова Божественные. Пастырь в угоду еретикам не должен в своей проповеди стараться о том, чтобы умственными (естественными) соображениями, — которые всегда стоят у еретиков на первом плане, как у людей с развращенным умом, — доказывать предметы непостижимые. Он должен отказываться от подобных словопрений (2 Тим. 2, 14–16, 23). «Если мы захотим, — говорит св. Златоуст, — предметы Божественные изъяснять при помощи внешней мудрости, то последует великий смех не по свойству самих предметов, но по неразумию человеческому, ибо великих предметов не может выразить никакое слово» (4-я беседа на Первое послание к Коринфянам).

«Мы обещали вам ничего не говорить по умственным соображениям, — говорит в другой беседе св. проповедник, — *орудия бо воинства нашего не плотская, но духовная, помышления низлагающие и всяко возношение взимающееся на разум Божий* (2 Кор. 10, 4–5). Таким образом нам заповедано низлагать помыслы, а не возвышать их; нам повелено разрушать их, а не вооружаться ими... Доказанное умственными соображениями, хотя бы и было истинно, никогда не доставляет душе полного убеждения и достаточной веры. Если же такова слабость умственных соображений, то мы приступим теперь к борьбе с еретиками на основании Писаний» (11-я беседа против аномеев).

Итак, и в борьбе с еретиками пастырь-проповедник должен представлять экзегезис слова Божия, направленный на те стороны, которые особенно дают о себе знать в жизни и учении еретиков. Давать же в пастырском слове большое значение умственным соображениям — это значит давать дань внешним мерам, увлекаться суетной, бесполезной славой, «впадать в грех», — по выражению св. Златоуста. «Прежде беседа с вами, — говорит св. Златоуст в одной из своих бесед, — о познании непостижимого Бога и предложив много бесед об этом, я доказывал вам как словами Писания, так и рассуждениями естественного разума, что познание Божества невозможно и для самих невидимых сил, — для тех сил, которые провождают неведущую и божественную жизнь, и что мы, живущие рассеянны и преданные всяким порокам, усиливаемся постигнуть совершенно неведомое и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в своих рассуждениях соображениями собственного разума и суетной славой

пред слушателями, не определяя благоразумием границы своего естества и не следуя Божественному Писанию и отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего красноречия» (Беседа о проклятии).

Увлечение апологетикой и полемикой против упорных еретиков кроме бесполезности обращать слово против *самоосужденных, суд над которыми не коснит и погибель не дремлет* (2 Пет. 2, 3; Мф. 15, 15—17; Тит. 3, 9—11 и пр.), имеет ту особенно вредную сторону в пастырском делании вообще, что, не обращая еретиков, которые подпали вечному суду Божию (Евр. 6, 1—8), может отвратить от пастыря простые сердца искренно слушающих его слова, искренно желающих познать силу слова Божия, *живаго и действенаго* (Евр. 4, 12), а не человеческих соображений естественного разума. Так и понимал дело пастыря св. Златоуст, никогда в своих полемиках против еретиков не забывая искренно верующих, но все эти полемические беседы (для исправления еретиков) направлял к созиданию спасения всех своих слушателей. «Наша ревность и заботливость, — говорит он, — клонится к тому, чтобы не только заградить уста противников, но и умудрить более вашу любовь» (4-я беседа против аномеев).

Таков и должен быть пастырь-проповедник в своих словах против заблуждающихся. Признавая своей нравственной обязанностью просвещать светом истинного учения погрешающих в истине, он должен также помнить, что *«в злхудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси повиннем греху»* (Прем. 1, 4) и что, следовательно, не дойдет его слово до сердца нераскаянных еретиков, которых поэтому он должен по испытании отвращаться, молитвенно *«скорбя об окаменении сердец их»* (Мк. 3, 5).

«Как не пещись о тех, — говорит св. отец, — которые подают надежду на исправление, есть знак беспечности, так и врачевать неизлечимо больных есть знак неопытности и крайнего безумия, ибо это делает их более резкими» (6-я беседа на Послание к Титу). А главную заботу во всяком случае пастырь-проповедник должен поставлять в просвещении простых сердец словом Божественного Откровения, а не в препирательстве в угоду ученым неверам умственными соображениями о вопросах Божественных. Он должен мнить себя всегда деятелем христианства, которое одной веры требует и к вере побуждает всесильным о Христе «буйством» проповеди. «К принятию евангельской проповеди, — говорит наш св. отец, — ни мудрость нисколько не помогает мудрому, ни невежество нисколько не препятствует неученому, и даже, к удивлению надобно сказать, невежество го-

раздо скорее и легче может принять ее, нежели мудрость. Пастух и земледелец, не увлекаясь рассуждениями и предавая себя Господу, скорее примут ее. Так Господь погубил внешнюю премудрость! Так как она сама (до христианства) посрамила себя, то и стала затем ни к чему не годной. Ибо когда она должна была показать себя и познать Господа из дел Его, она не хотела, а теперь, хотя бы хотела содействовать этому, не может, потому что теперь (в христианстве) не таково положение дел — есть путь к богопознанию гораздо лучше ее. Теперь нужна простая вера, ее везде надо искать и предпочитать внешней мудрости, ибо *„обуи Бог премудрость“*» (4-я беседа на Первое послание к Коринфянам).

Заботясь всецело о духовном возрождении своих пасомых, не имея в виду никаких внешних посторонних целей, кроме всаждения в сердца своих пасомых слова Божия, пастырь-проповедник только в духовном возрастании своей паствы и должен видеть плоды своей пастырско-проповеднической деятельности (Кол. 1, 19–20; Флп. 4, 1), а не в каких-нибудь внешних обнаружениях со стороны пасомых одобрения и похвалы его проповедническому слову (1 Сол. 2, 6; Гал. 6, 14; 2 Кор. 10, 13–18). К этим похвалам пастырь-проповедник должен относиться если не отрицательно, то во всяком случае как к чему-то постороннему, не имеющему существенного значения в его пастырском делании. «Принявший на себя подвиг учительства, — говорит св. Златоуст, — не должен смотреть на похвалы других и ослабевать духом, когда он не слышит их. Если трудящийся в слове в **угодность Богу** (вот что должно служить ему единственным правилом и единственной целью ревностного труда, а не рукоплескания и похвалы!) одобряется людьми, пусть не отвергает одобрений, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет, не печалится. Наилучшее утешение в трудах и самое достаточное, когда кто в совести своей может сказать о себе, что он в учении своем соображается единственно с правилом: **чтобы угодить Богу**.

А кто будет водиться пристрастием к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от великих трудов своих, ни от силы своего слова, тем более что душа, не умеющая переносить бессмысленных обвинений народа, слабеет и теряет охоту трудиться в слове. Поэтому прежде всего должно научиться презирать похвалы. Кто не знает этой науки, тому мало быть сведущим в слове для хранения в себе способности учить» (Слова о священстве). «Душа, жаждущая чести и славы, — говорит еще св. отец, — не увидит Царства Небесного» (Мф. 6, 1–20; 2-я беседа на Послание к Титу). «Что такое честь, ко-

торую нам оказывает толпа? Ничто, потому что если сами воздающие нам честь погибают, то тем более — эта честь» (12-я беседа на Послание к Ефесеянам). «Вот для нас честь, вот для нас удивительное уважение, благотворное и для нас, и для вас, если вы слушаетесь нас» (3-я беседа на Послание к Колоссянам). «Похвала проповеднику — не рукоплескание, но ревность слушателей о благочестии, не шум во время слушания, но усердие во всякое время. Шумное одобрение как только вышло из уст, то, рассеиваясь в воздухе, исчезает, а исправление слушателей готовит неоскудевающую и бессмертную награду и говорящему, и слушающимся. Крик вашего одобрения делает говорящего славным здесь, а благочестие вашей души доставляет учителю дерзновение пред Престолом Христовым» (Беседа на Рим. 12, 20). «Что мне за выгода в этих рукоплесканиях? — еще говорит св. Златоуст. — Что в похвалах и в восклицаниях? Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова. Тогда я счастлив и блажен, когда вы со всем усердием будете не принимать, но исполнять всё, что от меня услышите» (1-я беседа к антиохийскому народу по случаю ниспровержения царских статуй).

Очевидно, что св. Златоуст, произнося сильные укоризны внешним похвалам, которыми награждают слушатели проповедника, выходит в этих укоризнах из той мысли, что эти похвалы раздаются красноречию проповедника, которое есть не существенное в проповеди, но внешний (хотя великий и чрезвычайный) дар, и что, следовательно, слушатели, увлекаясь красноречием проповедника, обращают внимание именно на внешнюю сторону проповеди, забывая ее внутреннее содержание, которое, как направленное к искоренению порочности и к стяжанию добродетели, всегда глубоко серьезно, должно вызывать в слушателях глубокое внимание, побуждая их или к покаянному чувству, или к чувству светлой и тихой (но не бурной и восторженной) о Христе радости и сердечной благодарности проповеднику. Поэтому внешние восклицания, внешние похвалы не радость должны возбуждать в проповеднике, но скорбь, вызывать из уст его укоризны и увещания слушателям, чтобы они внимали внутреннему содержанию проповеди, которое направляется к их спасению, и, внимая этой стороне проповеди, исправляли свою жизнь.

Итак, единственно истинные плоды, которых пастырь должен ожидать от своей проповеднической деятельности, — это нравственное возрождение от силы в силу своих пасомых, водворение в душах их *мира и радости во Святом Духе — Царствия Божия* (Рим. 14, 17), все же прочее не относится к его служению по существу.

Но и сам пастырь-проповедник — член у Царствия Божия, в вечные обители Отца Небесного и ему надо стремиться — о своем нравственном совершенстве без конца заботиться. Как ему в этом стремлении содействует его пастырско-проповедническая деятельность?

Вот как изображает св. Златоуст настроение пастыря-проповедника в решении для себя вопроса о своем спасении: «Великость похвал, — говорит он, — обыкновенно угрызает совесть не менее грехов; как тот, кто, не сознавая за собой ничего доброго, слышит других, приписывающих ему многие и великие добрые дела, и помышляет о настоящей молве и будущем огне, когда будет все обнажено и открыто и когда Судящий будет судить не по мнению многих, но по самой истине дел, ибо Он „не по славе судити имать, ниже по глаголании обличит“ (Ис. 11, 3), — так и я, представляя всё это, скорблю о похвалах и добром мнении многих, видя великое различие между им и будущим приговором. Ныне мы прикрываемся мнением многих, как бы какими-нибудь масками, а в тот день, когда сняты будут эти маски, мы, стоя пред Престолом Судии с обнаженной головой, не в состоянии будем получить никакой пользы от здешней молвы для тамошнего приговора, но по тому самому мы и будем наказаны еще более, что, получая от многих много похвал и много одобрений, мы и от этого самого не сделались лучшими» (Похвальное слово Феодору, епископу Тарсийскому).

Конечно, приведенные нами слова св. Златоуста в отношении к нему самому показывают только смиренную душу великого вселенского учителя и святителя, не признающего за собой, подобно всем великим праведникам, ничего, кроме грехов (Тим. 1, 15; 1 Кор. 15, 8 и др.); но судя безотносительно, здесь указывается та опасная сторона для пастыря в его проповеднической деятельности, что, служа словом своей пастве, он, невзирая на это, может совершенно забывать о своем нравственном преуспевании, увлекаясь внешностью своего положения как учителя для многих, оратора церковной кафедры, и подпасть осуждению наравне с книжниками и фарисеями (Мф. 7, 15–27; 23). Но если пастырь будет таков, каким рисует его в его проповеднической деятельности св. И. Златоуст, то он необходимо избежит этой опасности и, возрождая своих пасомых, будет и сам обновляться в своей духовной жизни до высших и высших пределов. Он, по мыслям (изложенным) Златоуста, самоотверженный служитель слова, любовью созидает он спасение своих пасомых, а самоотверженная любовь, развитая до высшего совершенства, и есть то, что дает душе мир и Царствие Божие.

Но и в самой пастырско-проповеднической деятельности, направленной должным образом, заключаются прямо послышки к тому, что у пастыря-проповедника явится дерзновенная надежда быть вечным наследником Царства Небесного.

Что представляет из себя жизнь самоотверженного пастыря-проповедника? Не то, конечно, одно, что он самоотверженно заботится словом Божиим созидать спасение пасомых, не труды только, но (и главное) — вечные, непрестанные скорби проповедничества. Эти скорби поистине непрестанные. Пастырь-проповедник скорбит не только о совершенно отпадших от веры, но и еще более о тех, которые называются верными, которые слушают его слово, но тотчас же соблазняются врагом Бога и людей; которые с радостью принимают его слово, но при малейших жизненных неудачах оставляют его; которые искренно желают своего исправления, но за житейскими заботами забывают свое спасительное желание (притча о сеятеле). А пастырь — очевидец всего этого, на его же глазах происходят эти падения, его же пасомые насмеются над его словом и над собственным спасением. Он успел возродить некоторых словом истины, но здесь же видит, как эти возрожденные снова идут широкой дорогой, ведущей в геенну. Эти особые скорби пастырского проповедничества (не из-за обиды, конечно, что **его проповедь** не приносит плода, истинный пастырь понимает должный смысл обиды) — они сто́ят всяких внешних мук.

Вот как сам св. Златоуст изображает эти скорби пастырства, рисуя жизнь апостола Павла: «...как жены, — говорит он, — испытавшие болезни рождения и сделавшиеся матерями, всегда привязаны бывают к своим детям, где бы они ни были, так или еще гораздо крепче их и Павел всегда привязан был к ученикам своим, и тем крепче, чем болезненнее духовное рождение плотского, ибо он был в муках рождения не однажды для одних и тех же, а дважды и потому вопиял: „*Чадца моя, имиже паки болезную...*“ (Гал. 4, 19). Этого никогда не может испытать жена, никогда не вытерпит она в другой раз те же муки рождения, но Павел вытерпел то, чего нельзя видеть в природе — он снова зачал тех, которых уже раз родил, снова вытерпел для них муки рождения... Те болезни (плотского рождения) мучат одно мгновение и прекращаются, коль скоро дитя выйдет из утробы матерней; а эти не так, напротив даже, продолжаются по целым месяцам. Павел часто был по целому году в муках рождения и не мог родить зачатых им. Там — труд плоти, а здесь болезни не чрево терзают, а поражают самую силу души... Падения верных причиняли ему немалую скорбь, как и грехи еще не уверовавших; невыносимо тяжело было видеть, как они (верующие) после

участия в таких таинствах уклонялись в нечестие» (1-я беседа о покаянии).

«Я многих из вас родил, — говорит про себя св. Златоуст в другой беседе, — но и после этого страдаю муками рождения. Плотские матери прежде испытывают муки рождения, а потом уже рожают, а здесь даже до последнего издыхания нашего терзаемся муками рождения, опасаясь, чтобы и после рождения не оказался кто-либо неблагоприятно родившимся» (4-я беседа на Второе послание к Солунянам. См. подобное же в «Словах о священстве»). Это уподобление дела пастырского проповедничества плотскому рождению, взятое из Священного Писания (Иер. 4, 19; 23, 9–11; Ин. 16, 20–21; 1 Кор. 4, 15; Гал. 4, 19 и др.) и так наглядно изъясненное Святителем Златоустом, ясно указывает нам, какие невыносимо горькие скорби приходится переносить пастырю в его благовествовании. Но они должны быть радостны для пастыря, ибо ими создается спасение пасомых (Ин. 16, 20–22), ими увеличивается успех благовествования (Флп. 1, 12–18), ими, наконец, создается дело спасения самого пастыря-благовестника, поскольку он скорбями своего благовествования является участником страданий Христовых (Флп. 1, 19–20; 1 Пет. 6, 12–13; Рим. 5, 3–5), а следовательно, и славы Христа.

Поэтому-то и св. Златоуст, изображая скорби пастырского благовещничества, радуется, подобно апостолам, этим скорбям и своему служению, которое порождает эти скорби. «Несмотря на эти страдания, я сильно желаю, — говорит он, — переносить их.» «Нет для нас ничего приятнее этой скорби» (4-я беседа на Второе послание к Солунянам). «Радуюсь, что я предан такому служению и никогда не желаю освободиться от этого рабства, ибо это служение для меня прекраснее свободы...» (Слово по возвращении из Азии в Константинополь).

Вот каков славный плод пастырско-проповеднической деятельности. Право благовествующий возрождает своих пасомых в духовную благодатную жизнь, делает их участниками вечного блаженства и сам, как скорбно *подвизавшийся добрым подвигом* (2 Тим. 4, 7), оканчивает дело своего пастырского благовещничества с дерзновенной радостной надеждой стать в последний день одесную Судии с своими духовными чадами (Ис. 8, 18; Евр. 2, 13) и *получить от Пастыреначальника неувядающий венец славы* (1 Пет. 5, 4).